

Г. Е. Лебедева, Е. А. Мехмадиев

**ГЕОРГИЙ ЛЬВОВИЧ КУРБАТОВ (1929–2003 ГГ.):
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЕГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Георгий Львович Курбатов — советский и российский византист, специалист по истории византийского города в IV–VII вв., один из лучших и признанных в мире специалистов по истории ранней Византии и поздней античности. С 1955 г. и вплоть до своей смерти преподававший на кафедре истории Средних веков Ленинградского (с 1991 г. — Санкт-Петербургского) государственного университета, а с 1970 по 1989 гг. — заведовавший этой кафедрой, Георгий Львович, как и большинство советских историков, занимался проблемами социально-экономической истории — социальной структура общества, положение различных групп населения, их взаимодействие друг с другом и с государством, фискальная политика государства. В центре его внимания находились проблемы развития ранневизантийского города: повседневная жизнь горожан, их торговая, хозяйственная, деятельность, состояние городских финансов, городские управленческие структуры и представления о горожанах, сложившиеся в ранневизантийском обществе в IV–VII вв.

Тем не менее, мы не будем рассматривать детали биографии ученого — мы сосредоточим свое внимание на особенностях метода его исследований, на характере исследовательского «почерка» Георгия Львовича, на специфике стиля его научного творчества, говоря шире — попытаемся выявить особенности его историописания.

Первоначально обратим внимание на ту интеллектуальную традицию, в рамках которой Георгий Львович сформировался как ученый, точнее — на те идеи и методы, которые он *усвоил* и творчески переработал в период обучения в Ленинградском государственном университете (1947–1952 гг.). Мы имеем в виду учителей Георгия Львовича, непосредственно преподававших в тот период в ЛГУ, а также тех исследователей, труды которых повлияли на формирование научных интересов будущего ученого. основополагающее влияние на Георгия Львовича оказали профессор Борис Александрович Романов (1889–1957 гг.), специалист по русской истории, детально разбиравший на семинарах с первокурсниками содержание знаменитой «Русской Правды», особенности ее правового лексикона и социально-экономических сюжетов; профессор Митрофан Васильевич Левченко (1890–1955 гг.), видный советский византист, непосредственно научный руководитель Георгия Львовича, подготовивший его как исследователя-византиста; профессор Мария Ефимовна Сергеевко (1891–1987 гг.), специалист по истории Древнего Рима (эпоха Республики и ранней Империи), антиковед, привившая Георгию Львовичу интерес к повседневной жизни рядовых слоев населения, в целом обратившая его внимание на сам сюжет — повседневная жизнь широких масс населения как объект исследования, познакомившая с возможностями, методикой и особенностями изучения такого сюжета; и, конечно же, необходимо назвать члена-корреспондента Академии наук Нину Викторовну Пигулевскую (1894–1970 гг.), известного советского востоковеда, специалиста по истории христианского Ближнего Востока, прекрасно знавшую восточные языки и разбиравшуюся в цивилизационных особенностях данного региона¹.

---

¹ Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. 1) К 70-летию профессора Г. Л. Курбатова, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 3 / Под ред. проф. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. С. 5–8; 2) Георгий Львович Курбатов — историограф, В кн.: *Античная древность и Средние века*. Вып. 34 / Под ред. проф. С. П. Карпова. Екатеринбург, 2003. С. 443–445; [Лебедева Г. Е.] 1) Георгий Львович Курбатов, В кн.: *Византийский временник*. 2001. Т. 60 (85). С. 226–227; 2) Г. Л. Курбатов (16.05.1929–6.02.2003), В кн.: *Вестник СПбГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение*. 2003. Вып. 1. С. 127.

Следовательно, в научном творчестве Георгия Львовича органично сочетались четыре интеллектуальные традиции, в нашем понимании — четыре метода исторического исследования:

Во-первых, это текстологический анализ источника, внимание к его языку, стилю, словесным конструкциям, в целом — глубокий и основательный анализ лингвистической «поверхности» текста, стремление рассматривать язык источника (форму выражения мысли) и содержание (сюжеты) источника, т.е. саму мысль, в единой и неразрывной связи. Словесное «обрамление» мысли в тексте источника всегда было важно для Георгия Львовича, особенно ярко это прослеживается в его работах, посвященных антиохийскому ритору Ливанию, при анализе трудов и мировоззрения этого автора.

Вторая интеллектуальная традиция — отечественное византиноведение от В. Г. Васильевского (1838–1899 гг.) и вплоть до самого М. В. Левченко, весь накопленный к тому времени объем знаний и научный инструментарий этой дисциплины.

Третья традиция — цивилизационный подход к истории Византии, восприятие Византии как особой цивилизации (именно цивилизации, а не просто государства) и как части еще более обширной христианской цивилизации Ближнего Востока (Передней Азии) в период Средневековья, стремление рассматривать историю Византии в геополитическом и культурно-религиозном контексте христианского Ближнего Востока.

И, наконец, четвертая интеллектуальная традиция — история повседневности, форм и структур повседневной жизни людей, в состав которой Георгий Львович включал и анализ мировоззрения, мышления рядовых слоев населения, а также тенденции развития общественной мысли (политическая и социальная философия, представления образованных людей того времени о наиболее лучшей форме государственного устройства, ценностные ориентиры).

Конечно же, мы можем и должны говорить не только о сочетании, точнее, не *просто* о сочетании указанных выше методов, а об их творческой *переработке*, творческом усвоении в исследовательском стиле Георгия Львовича — его научный поиск включал в себя эти методы, но не сводился к ним. Соответственно, в качестве объекта и одновременно — примера для изучения академического

языка Георгия Львовича, стиля его научной мысли мы выбрали монографию «Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.», основанную на его докторской диссертации (защищена в ЛГУ в 1965 г.)². Несмотря на то, что данная монография вышла в свет еще в 1971 г., мы считаем ее наиболее ярким выражением научно-исследовательского метода Георгия Львовича, наиболее ярким примером, даже — образцом стиля его научного мышления.

Таким образом, речь в нашей статье будет идти о форме построения текста — какие способы изложения фактического материала, аргументации, постановки вопросов (проблем) использовал Георгий Львович, как он выстраивал факты в единый образ и как форма построения текста влияла на итоговые выводы его исследования? Следовательно, перед тем, как приступить непосредственно к анализу самого текста, мы хотели бы более четко обозначить те критерии, на основании которых мы будем рассматривать содержание указанной монографии. Эти критерии напрямую связаны с методикой т.н. аналитической философии истории, или англо-американской школы «лингвистического поворота», наиболее яркий представитель которой (можно даже сказать, классик) — Хейден Уайт, выпустивший в 1973 г. свою знаменитую, хрестоматийную книгу «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века»³.

Мы не видим необходимости в том, чтобы пересказывать содержание книги Х. Уайта — за время, прошедшее с момента ее публикации, она неоднократно обсуждалась, рецензировались, по поводу идей, высказанных в этом труде, собирались конференции, круглые столы, симпозиумы и конгрессы, целые номера многочисленных журналов по теории истории посвящались отдельным аспектам теории Х. Уайта. Позволим себе выделить лишь две идеи исследователя, которые вызвали наиболее активную дискуссию в научном сообществе:

---

² Курбатов, Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. Ссылки на страницы этой книги будут даны в основном тексте статьи.

³ White, H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore/London, 1973. Русский перевод: Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002.

1) История как рассказ, т. е. текст исторического исследования строится по тем же законам, что и литературное (художественное) произведение, история в этом смысле неотделима от литературы, она представляет собой разновидность художественного повествования: как и в рассказе, в историческом исследовании есть сюжет (сюжетная линия), есть герои (действующие лица), есть структурная композиция (план) повествования, как правило, выстроенная последовательно, поэтапно, во временной последовательности.

2) Х. Уайт выделил четыре способа (модели) изложения материала, которые он назвал тропами, эти тропы отражают не только цели самого автора (историка-исследователя), но и его эстетические, литературно-художественные предпочтения, особенности его техники (стратегии) воображения: роман, трагедия, комедия, сатира.

Естественно, мы не будем приписывать научное мировоззрение Георгия Львовича какому-либо из этих тропов — как раз наоборот, мы хотели бы, во-первых, перечислить основные точки зрения, сложившиеся в ходе дискуссии вокруг идей Хейдена Уайта в 1980-х – 2000-х гг., и рассмотреть, как исследователи (англо-американские, немецкие и французские) решали вопрос о типологии исторического исследования, т.е. вопрос о видах и способах повествования историка. Во-вторых, с помощью данного обзора мы хотели бы сформулировать наши собственные критерии, как оценивать исследовательский стиль Георгия Львовича, какую классификационную модель мы могли бы применить к труду Георгия Львовича и почему именно эту модель.

Для удобства начнем с англо-американской либо англоязычной исследовательской литературы, т. е. с той языковой и интеллектуальной традиции, в рамках которой работал и сам Х. Уайт. Подчеркнем, что в основном такие исследователи, как Г. Келльнер, Л. Госсман, П. Новик, Р. Тоштендаль и А. Мегилл, наиболее активно дискутировавшие по поводу книги Х. Уайта, ставили перед собой две задачи:

1) выделить принципиальные отличия исторического повествования от художественного, доказать, что текст исторического исследования содержит в себе черты более или менее объективного знания, т. е. такого знания, которое можно проверить, верифицировать, другими словами — доказать или опровергнуть;

2) рассмотреть сам труд (ремесло) историка, его исследовательскую технику как профессию, совокупность условных профессиональных навыков (компетенций), которые сдерживают творческое воображение историка, ставят его в рамки научной аргументации, ограничивают задачами именно научного стиля мысли.

Мы можем свести основные идеи и рассуждения названных авторов к следующим важным пунктам:

1) любой исторический текст, в отличие от литературно-художественного — это *passage* («переход»), т. е. совокупность нескольких разрозненных сюжетов, не связанных прямо между собой. Историк осуществляет переход от одного сюжета своего исследования к другому посредством ссылки, т. е. процедуры цитирования. Именно эту процедуру данные исследователи считают главным отличием исторического текста от художественного произведения — историк прямо и открыто говорит читателю, как он создает свой текст, почему он переходит от одного сюжета к другому, тогда как писатель по большей части не нуждается в подобных процедурах, они не являются обязательными для его повествования;

2) Историк не просто показывает события, т.е. рассказывает о них, он аргументирует свой рассказ, доказывает, что его версия развития (развертывания) событий, их временной взаимосвязи — наиболее точная, полностью воспроизводящая сведения источников, не противоречащая им. Следовательно, труд любого историка подлежит верификации, проверке на предмет точности ссылок и трактовки сведений источников — другие историки, его коллеги, представители профессионального научного сообщества, могут прочитать тот или иной труд, оценить его, высказать критику или одобрение в профессиональных рецензиях, руководствуясь именно принципом верификации;

3) Любой историк-исследователь уже заранее, исходя из самих задач исторического исследования, не просто рассказывает о фактах, т. е. показывает и излагает (процедура описания), но и объясняет, т. е. отвечает на вопрос, как, почему и для чего произошли те или иные факты, другими словами — пытается установить причины и следствия событий. А это значит, что в труде историка процедура описания всегда уже изначально содержит в себе

и элементы объяснения (трактовки, анализа, интерпретации), две эти процедуры неразрывно связаны друг с другом⁴.

Таким образом, как мы видим, англоязычная историография преимущественно делает акцент не на видах исторического повествования (нарратива), а на профессиональных (структурно-методологических, процедурных, композиционных) отличиях исторического текста от литературного. Совершенно иная ситуация сложилась в немецкой историографии — немецкая исследовательская традиция, наоборот, уделяет активное и наибольшее внимание именно формам, видам исторического рассказа, который в немецкоязычной литературе обозначается через слово *Erzählung* (помимо слов «рассказ» или «повествование», оно может переводиться и как «перечисление»). Прежде всего, отметим, что за исключением Г. Иггерса, который предлагает весьма традиционные и во многом уже давно устоявшиеся возражения идеям Х. Уайта⁵, немецкоязычная теория истории в целом весьма позитивно восприняла и даже усвоила идеи Х. Уайта и его англо-американских коллег. Наиболее глубокий вклад в освоение идей американского историка на немецкой «почве» сделал Й. Рюзен, который предложил и свою классификацию видов исторического повествования, несколько видоизменив трактовку Х. Уайта. Если американский исследователь делал акцент на форме рассказа, то Й. Рюзен исходит из процедуры, которая используется в рассказе, а именно — в основу своей классификации

⁴ Gossman, L. Towards a Rational Historiography, in: *Transactions of American Philosophical Society*. 1989. Vol. 79/3. P. 2–3, 47–48, 54–56, 58–59, 63–66; Kellner, H. Language and Historical Representation. Madison, 1989. P. 5, 9–11, 13, 55–57, 59; Novick, P. That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge, 1988. P. 581–584, 596–597, 622–623; Тоштендаль, P. Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А. Ю. Сергиной. М., 2014. С. 251–252, 254–256, 259–261, 263–264, 267; Мегилл, А. Историческая эпистемология. / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М., 2007. С. 198–203, 220–221, 240–242, 250, 252–253.

⁵ Iggers, G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein Kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. Göttingen, 2007. S. 102, 105 (конечно же, у историка есть воображение, и оно необходимо для воссоздания более или менее полного образа прошлого, но это воображение основывается на сведениях источников — в свою очередь, хронисты прошлого сообщали о реальных действиях людей, они записывали сведения об этих действиях и передавали свою информацию потомкам в письменном виде).

Й. Рюзен положил вид объяснения (*Erklärung*), к которому обращается историк-исследователь.

Й. Рюзен выделил три вида таких объяснений (интерпретационных моделей):

1) номологическое (законообразное), когда в объяснении господствует схема «причина — следствие — закон», другими словами — событие A_1 произошло по причине события A_2 в силу наличия закона G_1 , именно этот закон сводит воедино, связывает два события в некую временную последовательность;

2) Интенциональное объяснение, когда историк берет за основу принцип «намерение — действие», т.е. у действующего субъекта (персонажа) есть намерение, и он его осуществляет в четко заданных и ограниченных обстоятельствах. Наконец, третий вид объяснения, его Й. Рюзен считает непосредственно теорией истории, т.е. в этом объяснении заключена сама теоретическая матрица (структура, схема, модель) исторического исследования — повествовательное объяснение (*Narrativen Erklärung*). Й. Рюзен рассматривает повествовательное объяснение как перечисление тех изменений, которые объект претерпел во времени, и раскрытие причин этих изменений⁶.

В последующей немецкоязычной литературе схема, предложенная Й. Рюзенем, рассматривалась на предмет ее применения к различным сюжетам исторического исследования — если Ю. Кока отрицал возможность использования нарративных (повествовательных) объяснений для изучения структур (общественно-политических, административных, социальных, государственных, правовых, духовных) и процессов (по мнению исследователя, повествовательные объяснения применимы только для изучения событийной истории как таковой), то Э. Ганиш, Д. Фульда, А. Фрингс, Ст. Йегер, наоборот, полагали, что повествовательные объяснения применимы и к событиям, и к процессам, и к структурам, более того, по их мнению, работу историка следует мыслить в рамках интеллектуальной триады История — Текст — Воображение, когда событие, структура и процесс сами по себе становятся именно конструктами, мысленными образами, которые создаются силой воображения историка. По их мнению,

---

⁶ *Rüsen, J. Grundzüge einer Historik. Bd. II: Rekonstruktion der Vergangenheit. Göttingen, 1986. S. 22–27, 30–32, 37–47.*

«лингвистический поворот», т. е. идеи Х. Уайта и его англо-американских коллег, помогает, во-первых, более точно прочитать текст, найти соответствующую и адекватную методику для чтения источника, а во-вторых, дает возможность по-новому осмыслить функции языка в изложении событий прошлого, его силу, границы и исследовательские стратегии⁷.

Совершенно иную реакцию на «лингвистический поворот» высказали представители французской историографии, во многом находившиеся и продолжающие находиться под влиянием знаменитой школы «Анналов» с ее методикой исследования социальной истории, повседневности и ментальной картины мира людей Средневековья, а также находящиеся под влиянием традиций школы дискурс-анализа и структурной лингвистики (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида, П. Рикер, Ж. Делез, Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс). Собственная традиция лингвистических исследований, выработанная во Франции во многом благодаря Р. Барту и Ж. Дерриде и М. Фуко, сформировала у французских историков весьма критическое отношение к англо-американской теории истории — известный представитель школы «Анналов», Р. Шартье, отметил, что:

1) историк не может свободно выбирать один из четырех видов (тропов) повествования, о которых утверждает Х. Уайт, этот выбор — не результат свободного, стихийного творческого мышления, как у писателя, поскольку он всегда предваряется рядом осознанных (рациональных) и строгих процедур;

2) Сами тропы — лишь один из вариантов классификации исторических текстов, для других периодов истории, например, для эпохи Ренессанса, были характерны совершенно другие способы

---

⁷ Kocka, J. Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation, in: *Geschichte und Gesellschaft*. 1984. Jg. 10. S. 397–398, 401–402, 406–408; Hanisch, E. Die linguistische Wende. Geschichtswissenschaft und Literatur, in: *Geschichte und Gesellschaft*. Sonderheft. 1996. Jg. 16: Kulturgeschichte Heute. S. 216–219; Fulda, D. Die Texte der Geschichte. Zur Poetik modernen historischen Denkens, in: *Poetica*. 1999. Vol. 31. No 1/2. S. 27–32, 34, 40; Frings, A. Erklären und Erzählen: Narrative Erklärungen historischer Sachverhalte, in: *Erzählen, erklären, verstehen: Beiträge zur Wissenschaftstheorie und Methodologie der Historischen Kulturwissenschaften* / Hrsg. von A. Frings, J. Marx. Berlin, 2008. S. 132–133, 142; Jaeger St. Erzählen im historiographischen Diskurs, in: *Wirklichkeitserzählungen. Felder, Formen und Funktionen nicht-literarischen Erzählens*. / Hrsg. von Ch. Klein, M. Martínez. Stuttgart/Weimar, 2009. S. 110–111, 119–122.

повествования. Третий принципиальный момент, который подчеркивает Р. Шартъ — история, в отличие от литературы, обладает рядом строгих и даже точных правил (процедур, исследовательских техник), которые делают историческое знание научным, преобразуют изучение прошлого в научную деятельность, эти правила позволяют установить достоверность или недостоверность сведений источников, а значит, придают историческому повествованию объективность⁸.

Многие французские историки (среди них — А. Бюргье, Б. Лепти, Ж.-И. Гренье) на рубеже 1980–1990-х гг. даже выдвинули тактику т.н. двойного отказа (*double refut*), т. е., с одной стороны, как и ранее, в традициях школы «Анналов», категорический отказ от методов позитивизма (события прошлого и персонажи прошлого — это не реальные, а мыслительные объекты, созданные в ходе процедуры исследования), но с другой — отказ и от идеи «история — вид литературы» (у истории есть свои собственные исследовательские процедуры, свой набор техник, которые превращают ее в профессию (*métier*), т.е. само воображение историка находится под контролем этих процедур)⁹.

В качестве главной процедуры, противопоставленной тропологии Х. Уайта, французские исследователи преимущественно рассматривают метод дискурс-анализа, Ж. Гилому выделил два этапа такого анализа:

1) описательный (*descriptifs*), в рамках которого историк выступает и действует как лингвист — он выделяет слова, речевые обороты, предложения, словесные конструкции, ход сюжета и способ его построения, т. е. рассматривает внешнюю, языковую сторону (поверхность) текста;

2) оценочный (*reflexives*), когда историк определяет функции сюжета, функции объектов (персонажей), упомянутых в тексте, и функции идеи, заложенной в тексте, т.е. применяет к тексту процедуры критического исследования¹⁰.

---

⁸ Chartier, R. Quatre questions à Hayden White, in: *Storia della Storiografia*. 1993. Vol. 24. P. 134–140, 142.

⁹ Delacroix, Chr. La falaise et le ravage. Histoire du «tournant critique», in: *Espaces Temps*. 1995. Vol. 59–61. P. 94, 104–106.

¹⁰ Guilhaumou J. A propos de l'analyse de discours: les historiens et le «tournant linguistique», in: *Langage et société*. 1993. N. 65. P. 6–11, 15–16, 18–19.

Во многом неприятие методов англо-американской теории истории связано и с тем, что французские «текстовые стратегии» (по выражению Ф. Каррара) в области истории связаны не с последовательно выстроенным рассказом о событиях, а с исследованием структурных объектов (знаменитое понятие *longue durée* — «долгая длительность» или, как вариант, «долгая протяженность»), которые существуют в течение нескольких человеческих поколений. Другими словами, французские историки в основном отдавали и продолжают отдавать предпочтение не событийной истории, а истории структур — торговых связей, мировоззренческих установок, административной организации власти, демографических процессов, системы здравоохранения, питания, общественной идеологии, форм повседневной жизни различных групп общества¹¹. Ф. Каррар выделил несколько таких текстовых стратегий, которые принципиально отличают французскую историческую школу второй половины XX в. от методов англо-американской историографии:

1) описание отдельного факта, благодаря которому вскрываются и изучаются более крупные общественные структуры (например, Ж. Дюби и его знаменитая работа «Битва при Бувине», где историк рассматривает не ход битвы, произошедшей в 1214 г., а отношение средневекового общества того времени к самому феномену войны и мира, военных действий и кровопролития на поле сражений);

2) биография (с применением тех же методик, классический пример — Ж. Ле Гофф и его книга о Людовике IX Святом, ключевой вопрос — отношение общества к самой идее святого монарха, представления интеллектуалов о монархической власти, о статусе и положении короля в обществе);

---

¹¹ Представитель другой национальной исследовательской традиции — немецкий историк А. Рют, изучающий труды представителей школы «Анналов» с позиций методов англо-американской теории истории, даже иронично высказался по поводу подобных текстовых предпочтений французских историков — по оценке А. Рюта, пристрастие к изучению структур обернулось тем, что в трудах французских авторов люди, т.е. реальные носители и вершители исторических процессов, оказались простыми пленниками (*Gefangene*) абстрактных структур, о которых сами персонажи исторических источников не имели ни малейшего понятия и, естественно, даже не догадывались об их существовании! См.: Rüt, A. Erzählte Geschichte: Narrative Strukturen in der Französischen Annales — Geschichtsschreibung. Berlin, 2005. S. 185, 187.

3) антропологическое описание (структуры повседневной жизни, наиболее яркий пример — Э. Ле Руа Ладюри и его «Монтажу, окситанская деревня (1294–1324)»);

4) таблица, или карта (*tableaux*), когда исследователь сопоставляет и сравнивает социально-экономические процессы (прежде всего, в области торговли, производства и обмена ресурсами) сразу в нескольких странах, в пределах обширного географического региона (Ф. Бродель и его трехтомная «Материальная цивилизация»);

5) рассказ о состояниях (прежде всего, в области интеллектуальной истории) — историк рассматривает, как менялись представления общества о том или ином феномене, процессе, событии в течение длительного периода времени (Ф. Арьес и его книги о детстве и смерти в эпоху Средневековья, Ж. Делюмо и его книга о формировании чувства греха, понятии греховного в западноевропейской средневековой культуре)¹².

Итак, весь представленный выше обзор дискуссий вокруг методики школы Х. Уайта позволяет нам сформулировать следующие критерии (точнее — вопросы), в соответствии с которыми мы рассмотрим историографический стиль Георгия Львовича Курбатова:

1) можно ли рассматривать его труд о византийском городе как рассказ, т. е. последовательно выстроенное изложение событийной истории, либо эта монография — скорее пример истории структур или процессов, другими словами, о чем пишет Георгий Львович — о событиях, о структурах или о процессах?

2) Как Георгий Львович выстраивает свой текст — какую роль для него играют люди как реальные вершители истории и взаимодействие людей друг с другом?

3) Наконец, как он сравнивает (сопоставляет) сведения источников и как сводит (объединяет) эти сведения в более или менее единую картину развития византийского общества IV–VII вв.?

Отвечая на поставленные вопросы, мы можем признать, что в своей книге Георгий Львович исследовал именно процессы, это четко видно из формулировки самой цели исследования: «... выявить и суммировать основные общие тенденции внутреннего развития

---

¹² Carrard, Ph. History as a Kind of Writing: Textual Strategies in Contemporary French Historiography. Chicago, 2017. P. 24–29, 31, 34–35, 44–45, 48.

ранневизантийского города в течение IV–VII вв.» (С. 10), чтобы в конечном итоге определить, каким было позднеримское — ранневизантийское общество — *«античным или уже рождающимся раннефеодальным»* (С. 17). По мнению Георгия Львовича, *«угасание массы античных городов»* может служить свидетельством *«разложения»* античного общества. Таким образом, даже в самой постановке целей и задач исследования видно, что Георгий Львович рассматривал именно процессы, преимущественно — социально-экономические (в данном случае — происходившие внутри ранневизантийского города), что соответствовало духу того времени, когда была издана книга. Вместе с тем, исследователь ясно дает понять, что эти процессы важны для него не столько сами по себе, а как показатели развития всего ранневизантийского общества в целом, они позволяют понять, в каком направлении развивалось это общество — в сторону сохранения античных структур или формирования новых, феодальных.

Практически на всех тех страницах книги, где Георгий Львович делает обобщающие выводы, можно встретить утверждения именно о процессах, он делает акцент на этой форме сюжета: упадок (разорение) мелких городов (полисов) (С. 54), анализ различных периодов упадка, динамики стагнации сельскохозяйственного и ремесленного производства (С. 61), превращение крупных городов в крепости, изменение функций городских агломераций (С. 71), связь городов с сельской округой (С. 38–39), рост монастырского землевладения и усложнение хозяйственной структуры монастырей (С. 33–34). Практически все проблемы (аспекты) развития ранневизантийского города представлены в виде процесса, это касается и социальных групп населения, проживавших в городах: постепенное и последовательное разорение куриалов (муниципальной верхушки городов) (С. 121, 148, 151), утрата ими своих лидирующих политических функций в городе, как результат — обострение противоречий, внутренних междоусобиц в городах (С. 152), исчезновение муниципальной земельной собственности (С. 154), возникновение новых слоев земельной знати и рост их влияния в городах (С. 161–162, 202).

Георгий Львович уделяет определенное внимание структурам (например, городские финансы (С. 174), повинности, которые

были возложены на рядовое население городов (С. 182–183)), но он рассматривает эти структуры в рамках процесса, т.е. мыслит их как подвижные, меняющиеся объекты исследования, он стремится показать не столько их внутреннюю организацию (устройство) и механизм функционирования, сколько *изменение* функций, *преобразование* внутренней организации. При этом, что особенно важно, в монографии Георгия Львовича эти структуры не поглощают живых, реальных людей, жители города не становятся безвольными пленниками абстрактных мыслительных конструкций — как раз наоборот, Георгий Львович активно *иллюстрирует*, *показывает* процессы благодаря примерам из источников, где упоминаются конкретные ремесленники, крестьяне, торговцы, сенаторы и чиновники (С. 31–32 — ссылка на речи Ливания, город Антиохия; С. 50–51, 56–57, ссылка на письма Феодорита Киррского, г. Кирры, в сопоставлении с результатами археологических раскопок на территории того же города; С. 40 — ссылка на труды Феофилакта Симокатты и Иоанна Эфесского, балканские города и Константинополь, С. 71 — «Жизнь Симеона Младшего», г. Сура).

Фактически, мы можем говорить о том, что Георгий Львович *воссоздавал*, *восстанавливал*, *реконструировал* процессы (их ход и содержание) по сведениям источников, где упоминаются отдельные горожане. Георгий Львович в прямом смысле *собирал* каждый процесс из большого количества разрозненных фактов (сведений источников), при этом он выстраивал изложение материала в хронологическом порядке, его интересовало именно поэтапное развертывание процесса во времени.

Следовательно, во-первых, мы можем назвать форму изложения материала, т. е. форму научной мысли Георгия Львовича, рассказом (повествованием), в том смысле, что он использовал хронологическую модель организации текста: он показывал, как поэтапно развивались процессы, от одного периода (более раннего) к другому (более позднему), какие новые элементы появлялись в этих процессах, какие, наоборот, исчезали. Во-вторых, мы можем назвать методологический подход Георгия Львовича собирательным рассказом — сам этот термин еще в 2004 г. предложил современный англоязычный исследователь Б. МакКуллах (*colligatory narrative*), подразумевая под словом «собирательный» процедуру, которую,

по его мнению, наиболее часто используют в англо-американской историографической традиции. Эта процедура представляет собой связывание (*colligation*) многочисленных событий (*events*) в единый образ (*pattern*), т. е. картину прошлого, этим образом может быть и структура, и процесс, и просто ряд событий, выстроенных в хронологической последовательности¹³.

Мы же можем подчеркнуть, что Георгий Львович не только мастерски связывал несколько событий в один процесс, но и связывал несколько процессов (на первый взгляд — весьма разрозненных) в единый, органичный и непротиворечивый образ эпохи, он четко видел не просто сосуществование, одновременное развертывание процессов, но и (самое главное!) их внутреннюю взаимосвязь, умел выделить и подчеркнуть эту взаимосвязь. Поэтому, завершая данное исследование, мы могли бы условно, в порядке рабочей гипотезы, назвать метод Георгия Львовича собирательно-процессуальным рассказом (повествованием, нарративом), а самого Георгия Львовича — процессуальным историком, в том смысле, что именно процесс он ставил во главу угла и считал такую форму сюжета наиболее важной для исторического исследования.

Информация о статье

Лебедева, Г. Е., Мехамадиев, Е. А. Георгий Львович Курбатов (1929–2003 гг.): методология и теоретические особенности его научно-исследовательской деятельности, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (2). С. 9–29.

Лебедева Галина Евгеньевна, д. и. н., профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7/9)

g.lebedeva@spbu.ru

Мехамадиев Евгений Александрович, к. и. н., старший преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, д. 7/9)

e.mehamadiev@spbu.ru

УДК 930.1

---

¹³ *McCullagh, B.* The Logic of History. Putting Postmodernism in Perspective. London/N.Y., 2004. P. 125–127.

Статья посвящена научному методу, т. е. стилю исследовательской работы, Георгия Львовича Курбатова (1929–2003 гг.) — прославленного советского и российского византиниста, одного из лучших специалистов по ранневизантийскому городу в IV–VII вв. Авторы понимают под методологией форму (способ) изложения материала в тексте, по сути — форму построения научного текста, его структурную организацию, соответственно, они делают попытку выявить основные отличительные черты научной мысли Георгия Львовича, основные особенности его научного поиска. Авторы стремятся показать, как Георгий Львович выстраивал свои тексты, какой была их структурная организация, по сути, ставят перед собой задачу показать, каким был стиль историописания в трудах Георгия Львовича. В качестве примера для изучения научного творчества ученого авторы выбрали его монографию «Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.», изданную в 1971 г. в издательстве Ленинградского государственного университета. Для анализа методики историописания Георгия Львовича авторы обратились к традициям и разработкам англо-американской аналитической философии истории, наиболее видный представитель которой — американский исследователь Хейден Уайт, соответственно, авторы преимущественно использовали те критерии, которые были предложены в англо-американской теории истории. Сопоставив традиции англо-американской школы с немецкой и французской историографическими традициями, авторы пришли к выводу, что Георгий Львович создал на страницах своей книги собирательно-процессуальный рассказ — он рассматривал именно процессы внутреннего развития ранневизантийского города (прежде всего, социально-экономические процессы), каждый процесс он изложил в четком хронологическом порядке, выявил поэтапное развертывание процесса во времени. Георгий Львович выстраивал каждый процесс с помощью сведений источников, где упоминаются отдельные горожане, действия горожан в изложении ученого стали наглядными примерами развития процессов. Более того, он связал воедино несколько процессов, показал их взаимозависимость и взаимопроникновение, неразрывную связь друг с другом. Следовательно, он собирал единый образ эпохи не из событий, а из процессов.

Ключевые слова: Георгий Львович Курбатов, ранневизантийский город, методология, историописание, собирательный рассказ, Хейден Уайт, аналитическая философия истории, процесс, структура

Information on the article

Lebedeva, G. E., Mehamadiev, E. A. Georgiy L'vovich Kurbatov (1929–2003 gg.): metodologiya i teoreticheskie osobennosti ego nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti [Georgiy L'vovich Kurbatov (1929–2003): Methods and Theory of His

Studies], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2019. Vol. 5 (2). P. 9–29.

Lebedeva Galina Evgen'evna, doctor of History, professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University (199034, St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, St. Petersburg, Russia)

g.lebedeva@spbu.ru

Mekhamadiev Evgeniy Aleksandrovich, doctor of History, Institute of History, Saint-Petersburg State University (199034, St. Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, St. Petersburg, Russia)

e.mehamadiev@spbu.ru

The present paper deals with the research method, i.e. the style of studies of Georgiy L'vovich Kurbatov (1929–2003 rr.), who was the famous Soviet and Russian Byzantine scholar, one of the best scholars of the early Byzantine city during the IVth–VIIth Centuries. The authors comprehend research method as a way of narrative in historical text, in fact — as a form of construction of the text, its structural composition, so, respectively, they try to explain the main essential features of Georgiy L'vovich's way of thinking, main peculiarities of his scholarly work. The aim of this paper is to show how Georgiy L'vovich composed his texts, how he shaped the structure of his texts and how he established his own history writing-style. The authors presented as an example the Georgiy L'vovich's massive study *The Main Problems of Byzantine City's Internal Development during the IVth–VIIth Centuries* released in 1971 by Leningrad State University Press. For to analyze Georgiy L'vovich's way of thinking the authors turned to traditions of Anglo-American analytical philosophy of history, its main and most famous representative is an American scholar Hayden White. Having compared Anglo-American traditions with French and German theory of history, the authors concluded that Georgiy L'vovich made a colligatory-procedural narrative, that is he considered the Byzantine city strictly as a range (set) of processes (mainly, social-economic processes), each process was established and arranged chronologically, as step-by-step development (deployment) of events during the time space, from the early stage to the late stage. The ground for this construction (colligation) was evidence of sources, which mention the single citizens, so, as presented in Georgiy L'vovich's narrative, the actions of the citizens became the live examples of processes. Moreover, he artificially combined with each other a set of different processes, showed their interdependence and mutual penetration, close interrelationships. As a result, as the authors assume, Georgiy L'vovich made a coherent image of the time not from events, but from the processes.

Key words: Georgiy L'vovich Kurbatov, early Byzantine city, methods, writing of history, colligatory narrative, Hayden White, analytical philosophy of history, process, structure

Список литературы и источников

Курбатов, Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1971. 220 с.

[Лебедева, Г. Е.] Г. Л. Курбатов (16.05.1929–6.02.2003), В кн.: *Вестник СПбГУ. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение*. 2003. Вып. 1. С. 127–128.

[Лебедева, Г. Е.] Георгий Львович Курбатов, В кн.: *Византийский временник*. 2001. Т. 60 (85). С. 226–233.

Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. К 70-летию профессора Г. Л. Курбатова, В кн.: *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 3. / Под ред. проф. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. С. 5–28.

Лебедева, Г. Е., Якубский, В. А. Георгий Львович Курбатов — историограф, В кн.: *Античная древность и Средние века*. Вып. 34 / Под ред. проф. С. П. Карпова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. С. 443–451.

Мегилл, А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. М.: Канон+, 2007. 480 с.

Тоштендаль, Р. Профессионализм историка и историческое знание. / Пер. с англ. А. Ю. Серегинной. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.

Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.

Carrard, Ph. History as a Kind of Writing: Textual Strategies in Contemporary French Historiography. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 244 p.

Chartier, R. Quatre questions à Hayden White, in: *Storia della Storiografia*. 1993. Vol. 24. P. 133–142.

Delacroix, Chr. La falaise et le ravage. Histoire du «tournant critique», in: *Espaces Temps*. 1995. Vol. 59–61. P. 86–111.

Frings, A. Erklären und Erzählen: Narrative Erklärungen historischer Sachverhalte, in: *Erzählen, erklären, verstehen: Beiträge zur Wissenschaftstheorie und Methodologie der Historischen Kulturwissenschaften* / Hrsg. von A. Frings, J. Marx. Berlin: De Gruyter, 2008. S. 129–164.

Fulda, D. Die Texte der Geschichte. Zur Poetik modernen historischen Denkens, in: *Poetica*. 1999. Vol. 31. N. 1/2. S. 27–60.

Gossman, L. Towards a Rational Historiography, in: *Transactions of American Philosophical Society*. 1989. Vol. 79/3. P. 1–68.

Guilhaumou, J. A propos de l'analyse de discours: les historiens et le «tournant linguistique», in: *Langage et société*. 1993. No 65. P. 5–38.

Hanisch, E. Die linguistische Wende. Geschichtswissenschaft und Literatur, in: *Geschichte und Gesellschaft*. Sonderheft. 1996. Jg. 16: Kulturgeschichte Heute. S. 212–230.

Iggers G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein Kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 173 S.

Jaeger, St. *Erzählen im historiographischen Diskurs*, in: *Wirklichkeitserzählungen. Felder, Formen und Funktionen nicht-literarischen Erzählens* / Hrsg. von Ch. Klein, M. Martínez. Stuttgart/Weimar: J. B. Metzler, 2009. S. 110–135.

Kellner, H. *Language and Historical Representation*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 339 p.

Kocka, J. *Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation*, in: *Geschichte und Gesellschaft*. 1984. Jg. 10. S. 395–408.

McCullagh, B. *The Logic of History. Putting Postmodernism in Perspective*. London/N.Y.: Routledge, 2004. 212 p.

Novick, P. *That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 648 p.

Rüsen J. *Grundzüge einer Historik*. Bd. II: *Rekonstruktion der Vergangenheit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. 173 S.

Rüth A. *Erzählte Geschichte: Narrative Strukturen in der Französischen Annales — Geschichtsschreibung*. Berlin: De Gruyter, 2005. 211 S.

White, H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.

References

Carrard, Ph. *History as a Kind of Writing: Textual Strategies in Contemporary French Historiography*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 244 p.

Chartier, R. *Quatre questions à Hayden White*, in: *Storia della Storiografia*, 1993. Vol. 24. P. 133–142.

Delacroix, Chr. *La falaise et le ravage. Histoire du «tournant critique»*, in: *Espaces Temps*, 1995. Vol. 59–61. P. 86–111.

Frings, A. *Erklären und Erzählen: Narrative Erklärungen historischer Sachverhalte*, in: Frings A., Marx J. (Hrsg.) *Erzählen, erklären, verstehen: Beiträge zur Wissenschaftstheorie und Methodologie der Historischen Kulturwissenschaften*. Berlin: De Gruyter, 2008. S. 129–164.

Fulda, D. *Die Texte der Geschichte. Zur Poetik modernen historischen Denkens*, in: *Poetica*, 1999. Vol. 31, No 1/2. P. 27–60.

Gossman, L. *Towards a Rational Historiography*, in: *Transactions of American Philosophical Society*, 1989. Vol. 79/3. P. 1–68.

Guilhaumou, J. *A propos de l'analyse de discours: les historiens et le «tournant linguistique»*, in: *Langage et société*, 1993. No 65. P. 5–38.

Hanisch, E. *Die linguistische Wende. Geschichtswissenschaft und Literatur*, in: *Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft*. 1996. Vol. 16: *Kulturgeschichte Heute*. P. 212–230.

Iggers G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: Ein Kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 173 p.

Jaeger, St. *Erzählen im historiographischen Diskurs*, in: Klein Ch., Martínez M. (Eds) *Wirklichkeitserzählungen. Felder, Formen und Funktionen nicht-literarischen Erzählens*. Stuttgart/Weimar: J. B. Metzler, 2009. P. 110–135.

Kellner, H. *Language and Historical Representation*. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. 339 p.

Kocka, J. *Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation*, in: *Geschichte und Gesellschaft*, 1984. Vol. 10. P. 395–408.

Kurbatov, G. L. *Osnovnye problemu vnutrennego razvitiya vizantiyskogo goroda v IV–VII vv.* [The Main Problems of Byzantine City's Internal Development during the 4–7th centuries]. Leningrad: LGU Publ., 1971. 220 p. (in Russian)

[Lebedeva, G. Ye.] G. L. Kurbatov (16.05.1929–6.02.2003), in: *Vestnik SpbGU. Ser. 2. Istoriya, yazykoznaniiye, literaturovedeniye*, 2003. Issue. 1. P. 127–128. (in Russian)

[Lebedeva, G. Ye.] Georgiy L'vovich Kurbatov, in: *Vizantiyskiy vremennik*, 2001. Vol. 60 (85). P. 226–233. (in Russian).

Lebedeva, G. Ye., Yakubskiy, V. A. *Georgiy L'vovich Kurbatov — istoriograf* [Georgiy L'vovich Kurbatov — a Scholar of the History Writing], in: Karpov S. P. (Ed.) *Antichnaya drevnost' i Sredniye veka*. Issue. 34. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2003. P. 443–451. (in Russian).

Lebedeva, G. Ye., Yakubskiy, V. A. *K 70-letiyu professora G. L. Kurbatova* [On the 70th Anniversary of Professor G. L. Kurbatov], in: Lebedeva G. E. (Ed.) *Problemy sotsial'noy istorii I kul'tury Srednikh vekov I rannego Novogo vremeni*. Issue 3. Saint-Petersburg: SpbGU Publ., 2001. P. 5–28. (in Russian)

McCullagh, B. *The Logic of History. Putting Postmodernism in Perspective*. London/N.Y.: Routledge, 2004. 212 p.

Megill, A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Translated from English by M. Kukartseva, V. Kataev, V. Timonin. M.: Kanon+ Publ., 2007. 480 p. (in Russian)

Novick, P. *That Noble Dream: The «Objectivity Question» and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 648 p.

Rüsen, J. *Grundzüge einer Historik*. Vol. II: *Rekonstruktion der Vergangenheit*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. 173 p.

Rüth, A. *Erzählte Geschichte: Narrative Strukturen in der Französischen Annales — Geschichtsschreibung*. Berlin: De Gruyter, 2005. 211 p.

Toshtental', R., Seregina A. Yu. (Trans.) *Professionalizm istorika I istoricheskoye znaniye* [A Professionalism of the Historian and Historical Knowledge]. Moskva: Novyy Khronograf Publ., 2014. 346 p. (in Russian)

Uait, Kh., Trunina, Ye. G. (Trans.), Kharitonov, V. V. (Trans.) *Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka* [Metahistory. The Historical

Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 2002. 528 p.

White, H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.